

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

ПОСЛЕДНИЙ ОБЕРЕГ

Андрей Шацков. “Первозимье”. — Москва: Вест-Консалтинг, 2017. — 132 с.

Имя Андрея Шацкова давно известно любителям русской поэзии, в его литературном арсенале нет стихов пустых — он пишет только о том, что играет важную роль в судьбе каждого человека, не утратившего образы далёкого детства, счастливой юности и общения с наполненной волшебством природой:

*Мы убегали, в шуме майских гроз,
Стелясь, как жеребята, над травой,
В край радуг, в заповедный край стрекоз,
В край, шелестящий солнечной листвою...*

Наличие глубокой духовной основы стихов является тем главным признаком, который выделяет творчество Шацкова из сегодняшней поэзии. Последние три десятилетия наполнили наше национальное поэтическое творчество огромным потоком новых формальных направлений, в изобилии представляемых ныне на страницах таких журналов, как “Новый мир”, “Знамя”, “Октябрь”, “Звезда”, “Континент”, “Арион” и других изданий этого круга. Но стихи Андрея Шацкова максимально близки по своей сути иным изданиям — таким, как журналы “Наш современник”, “Москва”, “Нева”, “Молодая гвардия” и некоторым другим, суть которых выражается не то чтобы в эдаком прямолинейном, “лобовом” патриотизме, а скорее — в глубокой философской наполненности, показывающей верность родной земле, её истории и близким нам людям — родителям, детям, друзьям, любимым и тем, кто положил свои жизни на алтарь родного Отечества. И тем родным, кто уже покинул поэта, уйдя от нас в запредельные выси небес. Именно они и являются главными персонажами новой книги Андрея Шацкова “Первозимье”, хотя, несмотря на звучащий в нём мотив прощания, этот сборник никак нельзя назвать “поминальником”, так как имена его усопших родных только изредка упоминаются на фоне стихов, как это происходит с присутствием душ умерших его мамы, сына или его питерского друга, а иной раз и потерянной где-то на жизненных тропах (как это происходит в стихотворении “Яузская аллея”) любимой женщины:

*Поэты, известно, сейчас не в чести.
Их слог — романтически пылок...
Вот так бы за счастьем брести и брести,
Но осень задышит в затылок,*

*И хлынет на землю губительный дождь...
Лишь вспомню, бессонницей маясь,
Как ты всё идёшь, где-то рядом идёшь,
К плечу моему прижимаясь!*

В творчестве каждого настоящего поэта, восприятие любви находится в тесном соединении с понятием Родины, которую поэт готов с равной жертвенностью защищать от грозящего им с Востока или с Запада врага:

*Конец заповошного мая,
Слезами дожди окропят.
Арбы и повозки Мамаю
По пыльным дорогам скрипят.*

*И встать на путях его — лучше,
Чем мышью таиться в углу...
Стрелец — неприкаянный лучник,
Я к бою готовлю стрелу!*

Поэтическая стезя Андрея Шацкого давно пролегла через ратные просторы Куликова поля, мотивы которого отчётливо звучат в стихах его предыдущих книг. Эти мотивы продолжают витать и над стихами книги “Первозимье”, хотя, может быть, и не так прямолинейно, как раньше. И всё-таки Шацков и сегодня остаётся ратником, продолжающим ощущать себя стоящим в передовых рядах охранного войска, где когда-то погибали его предки, как это было на его родной подмосковной земле, о чём говорит его стихотворение “На Рузском холме”:

*Под малокровным небом ноябрь
Услышь, как пульс в висках стучит набатом.
Твой пращур, на холме канон творя,
Был кметем, воем, ратником, солдатом!*

*Он принял смерть, но принял — на миру!
И лёг со всеми в братскую могилу.
А ты — один, и твоему перу
Остановить набега — не под силу...*

Из года в год, практически на протяжении всей своей творческой судьбы, Андрей постоянно обращается к вошедшей в его душу теме знаменитого Бородинского поля, гул боя которого уже более двух столетий не умолкает в крови всего русского народа. Герои этого сражения давно воспринимаются в качестве героев Отечества:

*Над Бородинским полем — вечность,
И два орлиныя крыла!
Звёзд августа густая млечность
Над спелой рожью процвела.*

*С утра огнём взорвутся тучи
Редутов, брызжущих свинцом.
Гвардейский юный подпоручик
Не дрогнет каменным лицом...*

Ещё в 1999 году Андрей Шацков завершил цикл стихов “На поле Куликовом”, будто наследуя Александру Блоку, что позволило лауреату Государст-

венной премии поэту Владимиру Фирсову назвать автора “Последним осколком Серебряного века”. За цикл духовных стихов и вклад в дело православия Андрей был пожалован орденом Преподобного Сергия Радонежского. А в 2013 году он стал Лауреатом премии Правительства Российской Федерации в области культуры. Но это не значит, что точка, поставленная в 1999 году в конце цикла “На поле Куликовом”, действительно свидетельствует об окончании им этой значимой работы. Вот и в эту – последнюю на данный момент – книгу стихов Андрея Шацкого “Первозимье” оказался включён раздел “Реснота” (что в переводе с древнерусского означает истина, достоинство), в котором продолжают звучать мотивы, перекликающиеся с темами из книги “На поле Куликовом”. В стихотворении “Заповедные слова” Шацков опять обращается к звучащему эхом былых эпох мотиву героического стояния на рубежах нашего края, соединяющемуся на фоне высокой гражданственности с мыслью о потерянной в столетиях любимой:

*Настало время собирать жнивье
И камни, что разбрасывал повсюду.
Останется — Отечество моё,
Про отчество рассказывать не буду.*

*Но всё же, где бы ты ни процвела,
Какие кущи путь твой ни встречали,
Ты вспомнишь заповедные слова
Неутолённой, искренней печали...*

Говоря о творчестве поэта Андрея Шацкого, ловишь себя на желании продолжать и продолжать цитирование его строк, гармонично сочетающих в себе художественную красоту и глубину гражданских и философских идей. В современной поэзии в последнее время две эти категории вообще отошли куда-то на задний план, отодвинув понятие идейности в эпоху былого соцреализма, а художественность подменив мертворождаемым конструированием холодных метафор, типа таких, как у Семёна Кирсанова, Дмитрия Пригова и их сегодняшних последователей. Поэтому так радуют душу стихи, которые, благодаря слиянию двух этих категорий, воспринимаются как живые, рождающиеся под пером поэта по зову сердца, а не конструируемые по искусственным схемам. Таковы стихотворения Андрея Шацкого “Яблочный Спас”, “В сумерках года”, “День Успенья”, “Реквием задержавшейся зиме”, “Первозимье” или “Преображение”. В этом последнем есть такие замечательные строчки, которые блаженно освежают душу читателя, как капли пролившегося на них свыше долгожданного дождя:

*Фавора свет... Случайное движенье
К земле засохшей вымоленных струй...
Подставь лицо. Познай Преображенье.
Прими его, как горный поцелуй...*

Настоящая поэзия характеризуется тем, что в каждой её строке, в каждом образе таится хотя бы маленький, мимоходом отложившийся в сознании поэта вывод. Радостный он или обжигающий – это другое дело, главное – что стихотворение заставляет читателя осмысливать всё, что его окружает и встречается на его пути, а тем более – непосредственно в самой его жизни, как это бросается в глаза при чтении простого на вид стихотворения “Сюжет о зимних маргаритках”, оставляющего в душе читающего ощущение горькой печали:

*Цветы Богородицы — лета привет,
Которое вовремя к нам не приспело...
Как жаль — не сложился о счастье сюжет,
Но это в России — обычное дело.*

Это и в самом деле уже едва ли не привычный стандарт нашей жизни – принимать, вместо радости, достатка и успехов, рассыпающиеся сюжеты

о разбившемся, точно хрустальная ваза (или последняя в доме тарелка), счастье. Что здесь можно делать? Только признать случившееся и открыть свою душу читателям.

*Это твой последний оберег.
Твой последний луч дневного света...
Холода... Россия... Первый снег...
Исповедь печальная поэта.*

Несмотря на всю печальность этих строк, это ещё ни в коем случае не является свидетельством уныния, это только признание правды жизни, а правда — это и есть основа нашей жизни. И пока такие стихи, какие пишет Андрей Шацков, будут свидетельствовать о правде, жизнь будет продолжаться и дальше. А это главное.